

Андрей Дмитриевич Степанов. Нравственно-философские проблемы современной русской литературы

Я выступаю как литературный обозреватель, гид, который советует что-то прочитать. И при этом я понимаю, что здесь присутствуют очень разные люди. Я не могу исходить из того, что вы знаете. Я исхожу из того, что вы ничего не знаете, я рассказываю вам историю русской литературы последних 25 лет, очень кратко называя самые громкие имена и самые интересные книги. Попутно касаюсь нравственно-философских проблем, потому что без подобных проблем ни одна книга не пишется.

Авторы и книги, о которых пойдет речь, уже заслужили внимание со стороны критики и читателя. А между тем многие книги «не имеют собственной судьбы», вопреки афоризму древних, говоривших, что каждая книга имеет свою судьбу. Сейчас, в эпоху социальных сетей, это легко отследить: если книгу никто не обсуждает, значит, никто не читает. Но тем не менее выбор писателей, о которых говорит обозреватель, – всегда выбор субъективный. Я при этом старался отбирать авторов, известность которых сохраняется десятилетиями, по крайней мере. Многие из них являются лауреатами ведущих литературных премий, это один из немногих показателей признания со стороны экспертов.

Я представляю вам некую пунктирную историю русской литературы начиная с перестройки, потом девяностые годы, а затем наше время. Условно эти периоды можно обозначить именами трех президентов, которых вы видите на этом слайде.

Перестройка и гласность – ограниченная свобода слова, которая, постепенно расширяясь, превращалась в полновесную свободу слова. Перестройка – возвращение ранее не упоминавшихся имен писателей и их произведений. Всех их перечислить практически невозможно, но на протяжении 70 лет советской власти были авторы, которых вообще не упоминали: например, поэта Николая Гумилева, который был расстрелян за участие в антисоветском заговоре в 1921 году, и до 1987 года ни одна его строчка не могла быть напечатана. И его первая жена Анна Ахматова, которая хотя и печаталась, но подвергалась преследованию, и ее знаменитая поэма «Реквием» была напечатана только в эпоху перестройки. Михаил Булгаков – самый известный и популярный из русских писателей XX века, но Россия не знала его сатирической повести «Собачье сердце» до перестройки. Андрей Платонов – все самые лучшие его вещи, повести «Котлован», «Чевенгур», «Ювенильное море», не печатались при советской власти. Авторы 1920-х, 1930-х, 1940-х годов. А еще на тот момент были живы авторы, которые не печатались в связи с эмиграцией и расхождениями с советской властью. Иосиф Бродский, например.

Этот огромный пласт литературы обрушился на читателя в конце 1980-х годов, читали абсолютно все, и тогда, наверное, Россия стала действительно самой читающей страной в мире.

Это доказывают, например, тиражи «Нового мира», одного из главных литературных журналов, который в январе 1990 года достиг пиковой точки своего тиража – 2 660 000 экземпляров. Этот рекорд был занесен в Книгу рекордов Гиннеса. Пик интереса к литературе продолжается вплоть до 1991 года, и это обстоятельство имеет оборотную сторону. «Возвращенная» литература заслонила молодых писателей, которые только дебютировали в это время. И когда тебе приходится соперничать с Платоновым или Булгаковым, очень трудно заинтересовать читателя, пробиться к нему. В эпоху перестройки дебютировали Татьяна Толстая, Виктор Пелевин, Владимир Сорокин, Людмила Улицкая, – сейчас это уже классики современной литературы.

Великое множество других авторов, к сожалению, не сумело о себе заявить, и литературную деятельность прекратили. Этот бурный период, с 1986 по 1991 год, заканчивается победой демократии в России, распадом СССР, возникновением Российской Федерации. И это знаменует собой литературную катастрофу. В течение 1992–1993 годов гигантские тиражи книг падают в 4 раза, а тиражи литературных журналов, так называемых «толстых» журналов, главного средства общения писателя с читателем, падают от миллионов к нескольким тысячам, то есть к уровню XIX века. На таком же уровне они остаются и сейчас, хотя с появлением интернета становится трудно определить, сколько человек читают тот или иной журнал, так как они все доступны онлайн.

В начале 1990-х падение интереса к литературе ощущалось очень остро, потому что людям было некогда читать: наступила эпоха «дикого капитализма», эпоха выживания, каждый теперь должен заботиться о себе и своей семье, и времени на ознакомление с новинками литературы ни у кого не остается. Зато востребованной оказывается другая функция литературы – развлекательная.

В советское время массовой развлекательной литературы почти не было. Вообще в СССР было плохо с развлечениями. И телевидение было довольно скучное, и фильмы отбирались специальными комиссиями, и чисто развлекательная американская классика не допускалась на экраны, то же было и с литературой. И огромным потоком в Россию приходят все жанры массовой западной литературы: это детектив, экшн-боевик, женские любовные романы, триллер, другие жанры. Кроме научной фантастики, которая хорошо было развита в СССР, это новинки. Большая часть литературы переводная, переводы очень низкого качества, – спешили угнаться за рынком. И вся массовая культура 1990-х

годов – это в какой-то мере копия всего американского массового искусства. Это касается массовых передач, фильмов, литературы.

Поговорим немного о массовой литературе, чтобы потом перейти к более серьезной литературе.

Самый популярный жанр – это, конечно, детектив. Специфической особенностью русской массовой литературы был иронический детектив, или женский детектив. Сейчас все читают с телефонов или ридеров, но еще лет 5 назад, если вы приезжали в Россию, где бы вы ни оказались – в метро, поезде или самолете, – вы всегда видели книгу в желтой обложке, написанную Дарьей Донцовой. Она написала 180 книг за 15 лет, больше 10 книг в год, многие говорят, что она не пишет сама, это целая фабрика. Но мы проверить не можем. В чем специфика женского детектива? Это не совсем российское явление. Первой, кто придумал этот жанр, была польская писательница Иоанна Хмелевская в 1960-е годы. Я бы назвал этот жанр «Анти-Холмс». Шерлок Холмс аналитик, он пользуется дедуктивным методом, он анализирует ситуацию и делает логические выводы. Героиня женского иронического детектива всегда пользуется интуицией, и ей всегда очень везет. Она раскрывает преступление благодаря стечению удачных обстоятельств. Еще это способ дать читательнице почувствовать себя на месте героини, это подкупает.

В чем специфика любовного, или «розового» романа? Ее нет. Все, что можно, уже давно написано основательницей этого жанра англичанкой Барбарой Картмелл: она написала 800 романов, и после нее оставалось только повторять сюжеты. Здесь интересно, что история России пропускается сквозь призму женского романа. Писательница из Нижнего Новгорода Елена Арсеньева описала, по-моему, уже все знаменитые любовные истории из XVII–XX веков.

Боевик, или экшн. Специфика очень четко просматривается. Как вы знаете, в американском боевике главный герой – полицейский, который преследует преступников и побеждает их. Специфика русского боевика в том, что главный герой – бандит, который мог свободно превращаться в полицейского, а потом опять в бандита. Это отражало социальную ситуацию того времени. В этих книгах очень популярного писателя Виктора Дощенко главный герой по кличке Бешеный – спецназовец, который попадает в тюрьму, бежит оттуда, помогает полицейским и так далее.

Научная фантастика, science fiction. В России была очень интересная традиция, традиция братьев Стругацких. Аркадий и Борис Стругацкие. О них надо очень долго рассказывать. Это социальная фантастика, она представляет фантастические миры, но всегда говорит о социальных проблемах понятным для своих читателей языком. Стругацкие основали собственную школу – семинар, который действовал больше двадцати лет. Одним из прямых учеников был Вячеслав Михайлович Рыбаков,

петербургский писатель, историк средневекового Китая. Вместе с китаистом Алимовым они писали под псевдонимом «Хольм ван Зайчик», написали книгу в жанре альтернативной истории о стране Ордусь, которая возникла в Средние века в результате объединения России с Китаем. Сложное соотношение китайских и русских обычаев, правил этикета, и в этом западно-восточном мире развивается детективный сюжет. Эту фантастику можно назвать высокой, но развивается и массовая фантастика. Самый популярный из русских писателей-фантастов – это Сергей Лукьяненко, хотя его популярность возникла только уже в 2000-е годы, после того как было снято несколько блокбастеров, которые пытались соперничать с голливудскими блокбастерами, прежде всего фильмы «Ночной дозор» и «Дневной дозор». История о том, что в мире существуют силы добра и зла, которые живут под именами обычных людей и борются за господство в этом мире как бы среди нас. Классический сюжет фантастической литературы.

Ну и, наконец, несколько слов о фэнтези. Все, кто пишут про эльфов, гоблинов и прочих, являются прямыми последователями Толкиена. Один из успешных последователей – Макс Фрай, это псевдоним Светланы Мартынич, больше 20 лет она успешно выступает в этом жанре. В конце 1990-х годов возник и жанр «славянского фэнтези». Дело в том, что Толкиен основывал свой мир на кельтской мифологии, и в России тоже существует свое язычество, дохристианская мифология. Она хорошо исследована археологами, культурологами, историками, фольклористами, там есть пантеон богов, есть сюжеты, есть догадки о дописьменном периоде. И появляется писатель, использующий славянскую мифологию, создающий на ее основе фантастические миры, оригинальные. Это продуктивное направление в литературе, и некоторые современные серьезные произведения тоже обращаются к этой мифологии – как русской, так и других народов России, создается исторически-фантастическая смесь, которая является своеобразным прорывом в современной литературе.

К концу 1990-х годов обнаруживается, что огромное количество массовой литературы в России – это так называемый «треш», чтение для метро, аэропорта, поезда – то, к чему нельзя относиться всерьез. Должен появиться писатель, который создаст направление качественной беллетристики. Должна появиться книга, которую не стыдно показать знакомым. Борис Акунин в одном из интервью говорил, как он начал писать свои романы: его жена Эрика Воронова, редактор всех его произведений, очень любила читать детективы, но очень стеснялась этого занятия, поэтому оборачивала книги в газету. И муж решил, что напишет книгу, которую не надо будет оборачивать в газету, и это ему удалось.

Борис Акунин, настоящее имя которого Григорий Чхартишвили, японист по образованию, переводчик, литературовед, последние 20 лет исключительно писатель. В

1998 году появляется первый роман из серии об Эрасте Петровиче Фандорине. Это так называемый ретро-детектив. Это вообще явление не русское. Историй, в которых совершается преступление и ведется расследование в исторических декорациях, в мире довольно много, можно составить целую библиотеку. Специфика книг Акунина в том, что он помещает своего героя в эпоху Александра III, потом в 1900-е годы. Одни называют эту эпоху временем реакции, другие – эпохой стабильности. Это то, что нужно было читателям в 1990-е годы – прочитать про ту Россию, которую мы потеряли. Отчасти этот заказ выполняет именно Акунин. Он создает симпатичную фигуру сверхчеловека: Эраст Фандорин сочетает в себе, с одной стороны, аналитика наподобие Шерлока Холмса, русского интеллигента с его этическим кодексом и, как ни странно, японского ниндзя. То есть того, кто может прыгать с пятого этажа, вести бой с армией противника, быть невидимым, совершать всякие чудеса. Проект продлился 20 лет, в этом году вышла последняя книга «Не прощаюсь», содержащая в названии намек о возвращении Эраста Петровича. Самыми успешными были 5 первых книг. В чем их специфика? Во-первых, это очень любопытный источник по истории России. Там все документировано, очень хорошо прописан фон, бэкграунд, на фоне которого действует герой. А во-вторых, у Акунина есть своеобразная философия. Он считает, что очень многое зависит от человеческой личности, от одного человека. И если в русской истории случилось несчастье, например, Ходынка (когда при коронации Николая II в толпе были задавлены несколько тысяч человек), в этом виновен какой-то человек: Эраст Петрович Фандорин не успел предотвратить эту катастрофу, которую устраивает злонамеренный преступник. Героическая личность на фоне исторических декораций, ответственность человека за поступок, который может иметь последствия для всей страны и ее истории.

Акунин лучше других русских авторов воспринимается иностранцами и очень хорошо переведен на множество языков. Помимо серии про Эраста Фандорина, Акунин написал еще одну серию из трех романов – про монашенку, сестру Пелагию. Это идея была бы полностью оригинальна, если бы не английский писатель Герберт Честертон с его священником отцом Брауном, который тоже расследует преступления. Серия о Пелагии для высококолых: в отличие от других, где присутствует в большей степени интерес к сюжету, здесь интересен сам стиль, – их сложнее переводить, но я думаю, они все будут переведены на испанский язык. Каждая из этих книг напоминает кого-то из русских классиков XIX века: первая, «Пелагия и Белый бульдог», – это, безусловно, Николай Лесков. Тихая провинциальная жизнь нарушается внезапным преступлением. Во втором романе есть Достоевский и Чехов, а третий – самый глубокий, в нем есть и Михаил Булгаков, и Достоевский. Это история ни много ни мало о втором пришествии Христа, который появляется в России в конце XIX века, и преследует его глава русской церкви, в

романе его имя – Константин Петрович Победин, а в реальности Константин Петрович Победоносцев, глава Синода, фактический великий инквизитор Достоевского. Вот на таких сюжетах можно строить детективные романы: писатель выходит за пределы массовой литературы.

Самая динамичная и самая информативная серия – «Приключения магистра», она тоже закончена. Это история внука Эраста Фандорина, который из Англии возвращается в Россию. Он историк, живет в конце 1990-х – начале 2000-х годов, он тоже расследует преступления, только, в отличие от своего деда, он такой «недотепа»: попадает в трудные положения, с ним происходят неприятности, он в чем-то противоположность своему деду. Но он тоже хороший сыщик. Каждый роман имеет 2 временных пласта: какая-то эпоха истории России и современность, они как бы сравниваются. В первом романе «Алтын Толобас» изображена Россия времен царя Алексея Михайловича, идет поиск знаменитой византийской библиотеки Ивана Грозного, которая якобы спрятана где-то в районе московского Кремля. В ней, согласно преданию, содержатся все ныне утраченные шедевры древней литературы. Ее ищут сейчас, а также предок Эраста Фандорина в XVII веке. Для литературы самый интересный – роман «Ф.М.», его можно расшифровывать по-разному, в том числе как «Федор Михайлович». Из истории литературы мы знаем, что знаменитый роман «Преступление и наказание» писался сначала как роман от первого лица – исповедь Раскольникова. И Достоевский написал небольшую повесть, 5 печатных листов. В ноябре 1865 года он сжег эту повесть, решив, что, как он сам говорил, «несклонно писать от имени преступника». И он стал писать роман, который мы все знаем и который написан уже в третьей редакции. И мы задаемся вопросом: а что если рукопись повести с исповедью преступника не была сожжена? Тогда, во-первых, эта рукопись стоит огромных денег, и за ней начинается охота разных преступников; во-вторых, появляется соблазн для самого Акунина написать эту повесть, восстановить ее. И пишет ее так, что преступником становится не Раскольников, а другой человек. Кто становится преступником, я вам не скажу, чтобы у вас был интерес прочитать это произведение. Вас ждет неожиданный поворот, поверьте мне. В это же время в современности действует преступник, похожий на Раскольникова, но, в отличие от Раскольникова, современный преступник не испытывает ни малейшего раскаяния за свои действия. Таким образом, эпохи сопоставляются между собой, – это к вопросу о времени, – и, как правило, не в пользу современности.

И наконец, последний проект, которым сейчас занимается писатель, называется «История российского государства». И всякому человеку русской культуры это название напоминает одну знаменитую книгу – «Историю государства Российского» Николая Карамзина. Это одно из первых знаменитых описаний истории России, которым

пользовался как источником Пушкин. Очень авторитетный источник для исторической науки, явление в русской культуре. Акунин ставит задачу хорошим, внятным языком изложить концепцию развития России с древних времен до современности и при этом сопровождает каждый из этих больших томов историческими рассказами и повестями из каждой эпохи. Картина получается довольно любопытная, хотя она вызвала большую критику со стороны профессиональных историков, иначе и быть не могло. Сейчас он изложил свою концепцию русского государства в такой повести, которая называется «Счастливая Россия». Он считает, что современное русское государство зародилось не в Древней Руси, а в эпоху Ивана III. Это фактически эпоха объединения страны, и она во многом имеет ордынские корни. Форма правления, которая существовала до XX века, была унаследована от Золотой Орды. Сейчас Акунин дошел до пятого тома, где исследована европеизация страны при Петре I, и Акунину предстоит еще написать три тома, в которых он дойдет до конца XIX – начала XX века, вплоть до русской революции. Это не единственный из проектов Акунина, он очень плодовитый автор. Он написал, среди прочего, несколько книг – квинтэссенций жанров массовой литературы: «Детская книга», «Шпионский роман», «Фантастический роман». Он дважды выступал под псевдонимами – Анатолий Брусникин, Анна Борисова. Брусникин – исторические приключенческие романы, а Анна Борисова – эзотерическое повествование.

И легкая серия, «Роман-кино», где имитируется сюжет, нет никакой философии, есть только действие, – «Смерть на Брудершафт». Акунин – классик массовой литературы, сделал очень много, его продолжают читать, и я всячески рекомендую тем, кто хочет с пользой провести время и лучше узнать об истории России и России современной, прочитать Акунина.

Несколько слов о том, о чем подробнее пойдет речь далее. Что происходит с высокой, серьезной, или, как сейчас говорят, «нежанровой» литературой? Там происходят несколько процессов: сначала исчезает советская литература, так называемый социалистический реализм и его другие, более человеческие изводы, позднесоветская литература. А потом, в 2000-е годы, она возрождается, но на каком-то другом уровне.

Толстые литературные журналы существуют и уходят в интернет, что спасает их от гибели, потому что на бумаге их трудно купить и прочитать. Основные процессы состоят в том, что копируются формы не только массовой, но и высокой литературы, но этот процесс не вечен. Как говорил Юрий Михайлович Лотман, процесс приема информации рано или поздно превращается в процесс передачи информации. После Петра I в XVIII веке русская литература в течение почти ста лет копировала западные образцы. Любой писатель XVIII века, – вы мне назовете, и я скажу, у кого он брал сюжеты и героев. И вот появляется Пушкин, и появляется новая русская литература общеевропейского значения,

которую никак нельзя свести к копии Байрона или Вальтера Скотта. Такой процесс происходит и сейчас, хотя, может быть, своего Пушкина у нас пока нет, но есть писатели вполне достойные. И вот одним из направлений такой литературы оказывается интерес к истории, прежде всего. Не только Акунин, но и писатели, которые совсем не ориентируются на массового читателя, обращаются к истории. Интерес к сближению фикшн и нон-фикшн, автобиографические сочинения, сочинения о себе, своей жизни, и неомифологизм, то есть писатели, которые во многом наследуют Булгакову, отчасти Андрею Платонову, отчасти пытаются ввести определенные слои мифологии в современную русскую жизнь. Это основные направления современной русской литературы, плюс возвращение строгого реализма в последние 10 лет.

В 1990-е годы в России появляется постмодернизм – новое направление русской литературы, хотя в Европе и Америке оно развивалось еще в 1990-е годы. Я бы назвал первой чертой этого направления релятивизм – не только нравственный, но и познавательный, и эстетический. Постмодернистом можно назвать того, кто считает, что добро и зло – примерно одно и то же, так же как красота и безобразие, истина и ложь. Перестает различать познавательные и эстетические позиции. Причин тому много, философских и исторических. В Россию игровой постмодернизм приходит в 1990-е годы. Постмодернист считает, что все уже сказано в мире, поэтому можно только цитировать, так называемая теория метатекста, любое высказывание иронично, поскольку истины не существует, и фактически писатель занимается свободной игрой, жонглируя готовыми формами. В СССР специфика постмодернизма состояла в том, что он пришел сразу после соцреализма – направления, которое имело очень жесткие формы. Соцреализм иногда называют вторым классицизмом, потому что здесь тоже есть жесткая система правил: литература должна выражать партийную точку зрения, быть идейной, народной, оптимистичной. И вот на фоне этого господства соцреализма возникает неофициальная, андеграундная литература, уже в рамках позднего Советского Союза, она не верит в социалистические ценности, и в то же время нельзя сказать, что верит в какие-то другие. Она противопоставляет истине, которую навязывает социализм, игру. И в этом она смыкается с западными направлениями, которые уже 20–30 лет развиваются. Что объединяет поздний советский постмодернизм и западный? Прежде всего то, что в процессе создания художественного произведения писатель одновременно исследует творчество. Всякий автор такого рода – одновременно и творец, и исследователь, он пользуется чужими знаками и текстами и всегда ироничен. В западной литературе самым известным направлением был поп-арт. Все вы знаете картины Энди Уорхолла: перед нами не портрет Мерилин Монро, а портрет портрета – изображение уже вошедшего в сознание масс знака культуры. Не случайно постмодернизм на Западе очень ориентирован на

рекламные тексты – на то, что насаждается в сознание людей. И здесь возник определенный парадокс: в СССР не было рекламы. Великий колумбийский писатель Габриэль Гарсия Маркес, посетив Советский Союз в 1958 году, написал эссе «СССР: 22 400 000 квадратных километров без единой рекламы кока-колы». То есть Энди Уорхолл не знал бы, что нарисовать в Советском Союзе. Но зато у нас была пропаганда. То пространство, которое на Западе занимала реклама, у нас занимали призывы и лозунги, в которые в конце 1980-х – начале 1990-х уже никто не верил. И русские постмодернисты начинают играть с этими знаками. Соцреализм становится объектом игры. Художники Виталий Комар и Александр Меламид – они изображают самих себя в виде пионеров, которые приносят присягу бюсту Сталина. Они не верят в сталинизм, но у них сохраняются теплые чувства по отношению к собственному детству. Балансирование на грани серьезности и иронии – характерная черта литературы того периода. Картина художника Эрика Булатова: простые люди выходят полюбоваться закатом, а вместо этого видят ленточку ордена Ленина. Картина говорит о том, что человек видит не реальность, а ту идеологию, которую ему вкладывают в голову.

Наиболее влиятельным направлением в литературе в 1990-е годы остается так называемый концептуализм. Из наиболее значимых авторов этого направления, ставших классиками, надо назвать Владимира Сорокина, это наш образцовый постмодернист. Начинать как художник-иллюстратор, который работал с текстами в жанре соцреализма, потом пришел к написанию собственных странных текстов, в которых он деконструировал социалистический реализм. В этом литературном направлении были такие «запретные зоны», «слепые места», которые нельзя было изображать. Сорокин в своих первых произведениях эти запреты разрушает: он пишет тексты, которые напоминают средние произведения соцреализма, а потом вдруг неожиданно происходит перелом, после которого начинают совершаться ужасные вещи, которые были запрещены к демонстрации в советском искусстве. Так были написаны ранние его произведения, но уже потом, в 1990-е годы, он начинает деконструировать не только соцреализм, но и классические произведения русской литературы. Например, роман «Роман» написан тургеневским языком. Сюжет классический для русской литературы, а в конце главному герою дарят на свадьбу топор, которым он уничтожает всех персонажей. И последняя фраза этого произведения: «Роман умер». Роман – это и герой, который кончает собой, и жанр. Это говорит о том, что классическая литература больше невозможна. Он ставит точку, но при этом не прекращает писать и не перестает радовать нас новыми текстами.

Из произведений последнего времени наибольшую известность получил роман «День опричника» 2006 года, который представляет собой сатирическую антиутопию. Россия будущего изображается как страна, которая вернулась к обрядам и обычаям XVI века,

времен Ивана Грозного, хотя это не мешает прогрессу технологий. И одно из последних произведений – роман «Теллурия», который охватывает не только Россию, но и всю Европу, представляет эту территорию распавшейся на новые страны с новыми границами, где многие государства регрессируют к средневековому состоянию. Как видите, оптимистом этого писателя не назовешь.

Не назовешь оптимистом и другого известного русского писателя-постмодерниста – Виктора Пелевина. Он, безусловно, культовый автор, особенно для поколения 1990-х годов. Сейчас его популярность меньше, чем была, но он сохраняет интерес публики последние 30 лет. Писатель, о котором почти нечего сказать в плане биографии, потому что он избегает общения с журналистами и ведет затворнический образ жизни. Он пишет по одному роману или сборнику рассказов в год. Но в каждом из них есть одна общая тема, которая, наверное, аргентинцам будет близка, если вы читали произведения Адольфо Биой Касареса. Тема исчезновения реальности, или некий морок, который представляет собой реальность, разные виды иллюзии, с которыми человек сталкивается во сне, либо в виртуальной реальности, либо в измененных состояниях сознания. Возможности усомниться в существовании реальности – это всегда тема Виктора Пелевина. Приведу несколько примеров. Одна из ранних повестей Пелевина, «Принц Госплана» – первая в русской литературе повесть, посвященная виртуальной реальности. Герой бежит по плоскому лабиринту, сражается, должен добраться до верхнего уровня и освободить принцессу. В эту игру играют люди, которые служат в Госплане – Министерстве планирования Советского Союза. Советская экономика была командная, управлялась из единого центра, и все, кто работают в этом учреждении, играют в компьютерные игры, и они уже не понимают, где граница между реальным и виртуальным мирами. Очень рано, в 1991 году он подметил явление, которое сейчас знакомо буквально всякому, кто играет в игры или живет в социальных сетях. Современные произведения посвящены фактически тому же самому. Не оставляет Пелевин и произведения русской литературы, в которых он тоже находит место для своей темы. В романе, который называется всего одной буквой «Г», действуют персонажи, которые очень похожи на русских классиков, Толстого и Достоевского, но это не Толстой и Достоевский. В современной литературе очень любят использовать громкие имена авторов прошлого для коммерческих целей. Граф Г – супергерой, что-то вроде бэтмена, который побеждает врагов с помощью непротивления злу насилием, это доктрина Толстого. Сюжет состоит в том, что герой должен осознать свою бессубъектность и сделаться самостоятельным лицом.

Покончив с постмодернизмом, мы можем обратиться к другой литературе. Изложу кратко и тезисно направления современной русской литературы. Массовая литература

вызывает интерес серьезных, элитарных писателей. В последние 15–20 лет явно проявляется интерес к истории: все важнейшие произведения русской литературы последних лет историчны. Если одно время был очень популярен жанр антиутопии, где писатели выстраивали сценарии возможных путей развития России в будущем, как правило пессимистические, то явление мифологического реализма, которое мы знаем по Латинской Америке 1960-х годов, достигло России в 2000-е годы. Еще 2 тенденции – конец постмодернизма и возвращение к реализму и особый интерес к индивидуальности, к автобиографии, что стирает границы между художественной литературой и жанром нон-фикшн.

Дмитрий Быков – человек-оркестр, который занимается сразу множеством вещей. Он поэт, писатель-романист, журналист, радио- и телеведущий, школьный учитель. Быков написал на сегодняшний день 8 романов, почти все исторические. Скажем, роман «Оправдание» – это роман о сталинских репрессиях, роман «Орфография» – роман о первом годе после Октябрьской революции. Он пишет биографии, три больших биографии русских поэтов написаны им в серии «Жизнь замечательных людей». Представлю еще одно произведение почти наугад, роман «Икс» 2013 года. Роман посвящен очень интересной теме, которую постоянно обсуждают в России, – вопрос об авторстве романа «Тихий Дон», принесшего Михаилу Шолохову Нобелевскую премию по литературе в 1965 году. Начиная с середины 1960-х годов, начиная с Александра Солженицына, появилось большое количество литературы о том, что Шолохов не писал этот роман, а использовал чужие рукописи. Приводились аргументы о том, что он был слишком молод, чтобы описать Первую мировую и Гражданскую войну, он не знал быта казаков, потому что не был сам казаком, в книге множество грубых ошибок и так далее. Дмитрий Быков дает парадоксальный и любопытный ответ на этот вопрос. Да, говорит Быков, Шолохов был автором «Тихого Дона», но это не совсем тот роман, который был написан в 1927 году. Он выдвигает версию о том, что Шолохов был казаком, участвовал в Первой мировой войне, потом был тяжело контужен, полностью потерял память и уже в 1928 году восстанавливал этот текст по своим же рукописям, но эти рукописи были для него почти что чужие, отсюда все ошибки. Такое непротиворечивое объяснение, связанное с романом «Тихий Дон». Примерно так Быков читает свои лекции по литературе: такая остроумная парадоксальная концепция, которую трудно опровергнуть, но в которую трудно и поверить.

Еще один знаменитый современный русский писатель, который оказывается ближе всего к американскому мифологизму, – Алексей Викторович Иванов. Писатель из города Пермь, середина России, Уральские горы. Он по образованию историк и искусствовед, работал школьным учителем и журналистом и очень долго был гидом, водил экскурсии по

Пермскому краю. Этот жизненный материал был использован им в литературе, он написал довольно много романов, каждый год выходят новые тексты, он работал и как тележурналист. Почти все его тексты связаны с Уралом. Популярностью в России пользуется его роман «Географ глобус пропил». Это школьный роман, роман о добром и неприкаянном учителе, которого любят его ученики, но он не умеет соблюдать с ними дистанцию. Был снят фильм, пользовавшийся популярностью в России. Это возрождение советской традиции школьного кино, которая была утрачена в последние годы. Но самый знаменитый из романов Иванова – это роман «Сердце Пармы». Парма – не город в Италии, а название тайги, или соснового леса, который покрывает огромные пространства в Сибири. Это роман о Пермском крае, этот край довольно далеко находится от Москвы, и захвачен он был Московским царством только в XV веке. Населен он был разными народами как русского, так и нерусского – финского происхождения, которые были многобожниками. Они поклонялись многочисленным идолам, и одной из задач русского государства было крещение этих народов. Перипетии этого процесса отчасти служат темой романа «Сердце Пармы». Местные народы охотно крестились, но они не могли понять, что бог один. Они охотно присоединяли Христа к своему пантеону.

Роман Иванова написан абсолютно объективно: он пользуется приемом так называемых «точек зрения»: каждая глава написана с точки зрения определенного героя, и если этот герой христианин, то он относится к идолам как к идолам, а если герой язычник, то он видит в идолах мифологических персонажей. Они доступны только тем, кто в них верит. И этот роман оказывается очень похож на жанр «славянского фэнтези», о котором мы уже говорили ранее. И споры по поводу романа «Сердце Пармы» ведутся о том, исторический ли это роман или все же фэнтези. В тексте фигурирует и московский царь Иван III, и пермские князья, которые сначала сопротивляются Москве, а потом входят в состав московского государства. И одновременно звучат совершенно фольклорные мотивы, которые больше напоминают фэнтези. На грани высокой и массовой литератур рождается нечто новое. Не знаю, когда будет переведен роман на испанский язык, это чрезвычайно трудная задача: ведь Иванова хвалят за особый язык, он использует слова из языков тех народов, которые живут в Пермском крае. Можно сказать, что этот роман написан не только по-русски, но и на десятке разных языков.

Другой роман Иванова – «Золото бунта», в котором действие происходит в XVIII веке, вскоре после крупного крестьянского восстания Пугачева, и сюжет построен вокруг поисков клада, который оставляют после разгрома восстания. Иванов описывает одну из любопытных особенностей русской истории: Урал был местом, где добывали железную руду, и ее нужно было как-то переправлять в Центральную Россию. И вот на тяжело загруженных кораблях ее сплавляли по сибирским рекам, а это было очень опасно. 40%

барок разбивалось о прибрежные скалы. Тяжелый труд сплавщиков в XVIII веке Иванов описывает, пользуясь опять же их языком, который совсем не похож на современный русский. Он открыл для современной литературы Урал, сейчас по реке Чусовой проводятся экскурсии, и можно посмотреть те места, которые описывает этот писатель.

Несколько имен менее известных писателей, которые занимаются практически тем же. Александр Григоренко, писатель из Красноярска, который написал несколько текстов на основе мифологии северных народов. Совершенно удивительные тексты, которые можно и нужно сравнивать с латиноамериканской литературой. Денис Осокин немного иначе подошел к той же мифологической проблематике. Он пытается воскресить мифологию давно умершего народа – народа, который был известен до XIV века, народа меря, жившего на Волге. По утверждению Дениса Осокина, среди нас, в современной России, живут меряне, которые соблюдают некоторые обычаи умершего народа и существуют в двойной перспективе, в двух мирах: с одной стороны, они мало отличимы от нас, с другой – они носители мифологического сознания. Фильм, снятый по его повести «Овсянки», получил приз Венецианского кинофестиваля.

Буквально несколько слов об антиутопиях. Роман «День опричника» я уже назвал. Еще заслуживает внимания роман Ольги Славниковой «2017». Написан в 2005 году. Роман, в котором предсказано повторение Октябрьской революции. Во время празднования столетия Октябрьской революции игра должна была перейти в реальность: изображение революционных событий актерами должно было превратиться в реальную революцию. Слава Богу, 2017 год прошел, этого не произошло. Роман Дмитрия Быкова «Эвакуатор» связан с другими событиями в России – терактами, которые постоянно происходили в России до середины 2000-х годов. Быков изображает уничтожение Москвы террористами, взрыв атомной электростанции, массовое бегство из города, и на этом фоне развивается романтическая история.

А теперь о реализме. В середине 2000-х годов постмодернизм всем сильно надоел. К слову «постмодернизм» стали прибавлять «пресловутый» или «так называемый». Направление явно поменялось: появилась потребность в изображении не игры, а реальности. Реалисты отвергли потребности в игре, о которых я говорил выше, но при этом сохранили ощущение, что мир – злой, враждебный, в чем-то бессмысленный. И главной темой для этих писателей стали экзистенциальные состояния: война, революция, концлагеря – все то, на что была богата русская история и что отчасти сохранялось и в современной России. Безусловно, главным писателем из числа новых реалистов стал Захар Прилепин. Он имеет богатую биографию: дважды принимал участие в чеченских войнах, сменил десяток профессий, преимущественно рабочих, был членом крайне левой Национал-большевистской партии (ныне запрещенной) и в последние годы принимал

активное участие в событиях на Донбассе, был советником руководителя Донецкой народной республики Александра Захарченко и вплоть до последней недели был руководителем одного из батальонов армии ДНР. Этот богатый жизненный опыт дал ему возможность для создания насыщенных, жизненных текстов. Первый роман Прилепина, «Патологии», был посвящен чеченской войне, его приветствовали абсолютно все критики в России, потому что в нем увидели «окопную правду». В России есть традиция литературы, посвященной Второй мировой войне, в частности «литература лейтенантов», то есть тех, кто сражался совсем молодым человеком и видел войну не глазами генерала, стратега, а именно из окопов. Именно это продолжение увидели в 2004 году в романе Прилепина, когда совсем молодой человек, бывший студент, попадает на войну и видит все ее ужасы.

Второй роман, «Санкья», посвящен молодому революционеру, члену партии, похожей на национал-большевистскую, они устраивают разные демонстрации, шествия, бросают разные предметы в чиновников, в тех, кого они считают коррупционерами, в конце концов поднимают восстание и погибают. Этот роман сравнивают с романом Максима Горького «Мать», который многие считают первым романом социалистического реализма и который очень приветствовал Ленин. Вот такая героизация молодого, отчаянного и горячего революционера, бессребреника, ничего не ищущего лично для себя.

Последний из романов Прилепина – «Обитель». Это роман, посвященный Соловецкому лагерю. Соловки – это остров в Белом море, на самом севере России, где существовал знаменитый монастырь в течение многих веков, и он был закрыт большевиками сразу после установления советской власти. В этом месте был устроен первый в СССР концлагерь. Туда ссылали дворян, белогвардейцев, большое количество уголовников. Главный герой Прилепина – не политический заключенный, он совершил уголовное преступление, самое страшное, которое может быть: он убил собственного отца. Этим Прилепин, наверное, показывает нам разрыв с традицией, который происходит в это время. Это, как все герои Прилепина, очень сильный физически и морально человек, горячий, его фамилия даже Горяинов, он не подчиняется никаким правилам – ни тем правилам, которые установили чекисты, ни правилам уголовного мира. Тем не менее ему удается утвердить себя, победить окружающих, хотя в конце он все равно погибает. В романе много исторических лиц и одновременно много вымысла. Этот роман получил самую главную русскую литературную премию, «Большая книга», сразу после выхода в 2016 году.

Теперь про других писателей, которых нельзя отнести к новым реалистам, но которые получили очень большую известность. Первым следует назвать, конечно, Евгения Водолазкина. Он специалист по древнерусской литературе, ученик знаменитого ученого

Дмитрия Лихачева, сотрудник Института русской литературы в Петербурге. Он использовал знания в области русского средневековья при написании своего лучшего произведения – романа «Лавр», который получил все возможные премии. На испанский произведения Водолазкина переводит русист из Гранады Рафаэль Гусман Тирадо.

Это роман о средневековом враче-целителе, у которого было 4 жизни и 4 имени. В молодости он не смог помочь своей жене, она умерла при родах вместе с ребенком. Это большой грех, но еще большим грехом является то, что он, по собственному представлению, не дал ей исповедоваться и причаститься. Герой замаливает свой грех, он пытается всей своей жизнью искупить свой грех – вот апелляция к понятиям долга и ответственности, которые вынесены в тему нашего семинара. Он сначала становится юродивым, когда человек принимает на себя вид безумного. Он живет в грязи, произносит бессвязные речи, но он не сумасшедший, он просто уподобляется Христу, он хочет стать худшим из людей, чтобы обрести потом вечную жизнь. Дальше он совершает паломничество в Иерусалим, а в XV веке это опаснейшее предприятие. И в конце он становится отшельником, святым, начинает исцелять людей и приобретает имя Лавр. Роман приветствовала вся критика и из современных произведений это самое светлое, оптимистичное и лишенное всякой игры произведение, которым может гордиться русская литература.

Другой роман Водолазкина, «Авиатор», тоже обращается к теме Соловецкого лагеря, но немного в другом разрезе. Там есть некий фантастический элемент. Герой романа – узник Соловков, он соглашается принять участие в эксперименте по замораживанию. И этот человек выживает и просыпается в девяностые годы XX века. Ровесник века, человек 1900 года рождения, просыпается в ельцинской России, России 1990-х. Это прием, который очень напоминает то, что любил Лев Толстой: первый замысел романа «Война и мир» был в том, что декабрист, то есть человек, сосланный в Сибирь в 1825 году, возвращается в Россию через 30 лет и смотрит на нее глазами человека другой эпохи. Сравнивая эпохи, нельзя сказать, что герой Водолазкина свою Россию ставит выше современной. Такой подход к истории оказывается очень продуктивным.

Еще один писатель – очень известный в России человек, известный больше не как писатель, а как художник. Эдуард Кочергин, главный художник Большого драматического театра в Санкт-Петербурге, поставивший множество знаменитых спектаклей, в старости начал писать прозу, и она оказалась удивительно интересной. Самый интересный из его романов – роман «Крещенные крестами». Дело в том, что в Петербурге есть тюрьма, которая построена в виде двух крестов. Дело не в названии, а в сюжете. Это автобиографическая повесть: отец и мать Кочергина были репрессированы, и сам он попал в специальный детский дом для детей врагов народа в Сибири, и после войны он

убегает из этого детдома и на поездах в течение нескольких лет пробирается из Сибири в Ленинград, чтобы найти свою мать. История Советской России глазами ребенка – впервые это было сделано именно Кочергиным.

В основном я называл мужчин-писателей, но надо сказать и о женской литературе. Из женщин-писателей, получивших известность в последнее время, стоит выделить Марину Степнову – в прошлом переводчика с румынского языка, журналиста. Ее дебютный роман «Женщины Лазаря» 2011 года получил ряд премий, очень хорошую литературную критику, стал бестселлером. Это история XX века в России глазами женщины. Там три героини, Лазарь – ученый-физик, он влюбляется сначала в жену своего учителя, женщину старше себя, которая относится к нему как к сыну. Она умирает, это для него трагедия, а он уже известный ученый, участник атомного проекта по созданию атомной бомбы, у него большие возможности. Он находит девушку, которая похожа на его покойную возлюбленную внешне, но по характеру она совершенно иная. Ее заставляют выйти замуж за этого ученого, причем его не интересует ее внутренний мир, а только внешность. Третье поколение – внучка этих людей, которая находит возможность жить своей жизнью, выходит из-под диктата обстоятельств. Краткая история XX века через женские судьбы.

Еще одно имя, которое нельзя не назвать, – это писатель, получивший самое большое количество премий – как российских, так и зарубежных. Михаил Шишкин, лауреат всех трех российских премий. Шишкин с начала 1990-х годов живет в Швейцарии, все его романы – о России. Пересказать их содержание абсолютно невозможно, иногда его называют «Русский Джойс». Это романы, написанные в технике «потока сознания», где нет главного героя, а действие перескакивает в разные эпохи русской истории, но особенно его интересует XIX век и эпоха русской революции. И здесь прослеживаются параллели между судьбами самых разных людей. Фактически можно читать любой роман Шишкина с любого места, потому что он пишет один большой бесконечный текст. Он очень цитатен, хотя постмодернистом его не назовешь, у него есть своя система ценностей. Наиболее интересный роман – «Взятие Измаила» 2000 года.

Совсем новое имя, которое стало известно недавно – Гузель Яхина, это татарское имя, татары – второй по величине после русских народ в Российской Федерации. Она пишет об истории Татарстана, а точнее о раскулачивании – событиях 1930 года, когда Сталин решил, что крестьяне не должны владеть земельной собственностью. Государство отобрало у крестьян землю, объединив их в большие коллективные хозяйства. Это сопровождалось массовой высылкой крестьян в Сибирь. Гузель Яхина описывает путь женщины, у которой убили мужа, вместе с другими односельчанами она едет по бесконечной России в Сибирь, на Ангару, к озеру Байкал. Там людей бросают в лесу без помощи. Они, как Робинзон, должны строить свою жизнь на пустом месте в условиях

тяжелой зимы. Они выживают, роман имеет оптимистический финал: сын главной героини вырывается из ссылки и отправляется учиться в Ленинград на художника.

И наконец, еще одна тенденция, о которой я говорил – тенденция к автобиографизму, рассказу о своей жизни. Если бы меня спросили, кто самый популярный писатель такого рода в России, я бы назвал имя Сергея Довлатова. Это писатель, умерший в 1990 году, но его истории из собственной жизни продолжает читать даже молодежь в России. Благодаря легкому стилю, иронии и юмору. Можно назвать несколько продолжателей этой традиции, которые рассказывают короткие истории из повседневной жизни, обычно имеющие смешной, анекдотический характер. Один из них – Андрей Аствацатуров. Первый роман – «Люди в голом». Это истории из жизни преподавателя Петербургского университета, его друзей и знакомых, книга стала бестселлером.

Владимир Станиславович Елистратов. О чем думает современная Россия?

Конечно, это утопия – объять этот огромный океан. Колоссальный поток информации, но существуют некие центральные СМИ, клубы, в частности, консервативный клуб.

Тренд примерно таков: Россия начинает позиционировать себя как фундамент традиционных ценностей. Сейчас это самое частотное словосочетание. Русская культура – главный транслятор традиционных ценностей. Что произошло с миром? В конце 20 века очень популярным стала приставка «транс-». В середине века была приставка «нео-». Каково значение этих приставок? «Нео-» означает следующее: то, что было до меня, это хорошо, но это надо немного обновить. В культуре «нео» - в итальянском неореализме, например, - было очень много человеческого. Можно спорить, насколько это хорошо, но это было человеческое. А к концу века становится популярной приставка «пост-»: постструктурализм, постмодернизм. Это уже отрицание того, что было перед тобой, это некая революция, некий протест, но в этом протесте есть что-то человеческое, это честный протест: я отрицаю то, что было до меня, это нехорошо, я хочу, чтобы это было лучше. А сейчас – «транс-»: транснациональные корпорации. Что это такое? Мы не говорим о политике, мы говорим о культурной составляющей. «Транс-» означает: наплевать на все национальное. Неважно, что происходит там, в этом народе, что интересует эту нацию, я все равно буду засеивать поля генно-модифицированной продукцией. «Транс-» можно по-русски перевести как «наплевать»: трансгуманизм, то есть отбросим все человеческое. Мы пережили век гуманизма, европейская культура уже сто раз похоронила человека – вот французы очень любят хоронить автора, читателя,

человека, хоронят всех подряд. Как сказал Мишель Фуко, «человек умер – остались структуры». Говоря по-русски, это расчеловечивание. Вот и «трансгендер» - это плевать на семью. Главный лозунг трансгендерной революции – сколько людей, столько и полов. Кто хочет, тот тем и будет. В России, которая в девяностые годы очень поддалась этому течению, было интересно, что там происходит на западе, но народ посмотрел, поездил, тайна перестала быть тайной и перестала вызывать интерес. Сейчас огромное количество студентов из России ездит по миру и не очень сильно волнуется.

В нулевых годах усиливается тенденция ответственности. Долг и ответственность – это глубоко человеческие чувства. И вот есть такая, если хотите, лесенка – человек, личность, семья, народ, человечество. Что такое личность? По-русски личность связана с лицом, а лицо – с душой человека. Персона – что-то отдельное от других, самостоятельное, а здесь – то, что внутри. Человек со своими переживаниями, чувствами, ненавистью – человек, который мечется. Литература как раз об этом и говорит – пытается показать человека, который человек. Тоже одна из частотных цитат из польского писателя Станислава Лема: «человеку нужен человек». Что человеку нужно? Свобода – да, деньги – да, но прежде всего человек. Посмотрите на крылатые выражения. «Человек человеку друг, товарищ и брат», - это звучало в 20 веке. «Человек человеку волк» - это еще в латыни. Потом один из наших писателей сказал «человек человеку бревно». То есть сильно не нужен. А потом писатель, который большую часть жизни просидел в лагерях, сказал: «Человек человеку человек», и это самое страшное.

Я показал на примере этой формулы варианты отношений между людьми, как они могут интерпретироваться. Но вообще концепция личности, даже в той же лингвистике – концепция языковой личности, тот же академик Караулов об этом писал – именно это интересует русскую филологию, не просто язык как таковой, а человек говорящий. И если уж говорить о языке, то в России в последнее время судорожно обсуждается проблема языка. Я спрашивал у французов, англичан, американцев – никто так не волнуется по поводу того, заимствует ли их языки из других языков или нет. Вот в испанском обсуждаются проблемы заимствования в испанский язык английских слов? Волнуются аргентинцы по этому поводу? В русских СМИ это обсуждается каждую неделю.

Есть ли в аргентинском варианте испанского сниженная лексика, то есть обценная? У вас запрещено или нет? Ну, слава Богу. Англичан это не волнует совершенно. Кажется глупостью, ну что такого, какие-то там слова. Нет, есть какое-то экзистенциальное напряжение по отношению к тому, ругаться или не ругаться. Это значит, что мы не только литературоцентричны, но и лингвоцентричны: язык для нас самое главное. Как сказал Бродский, в России меняется все, кроме языка. Главное – язык. Так вот, человек как говорящая личность – это очень важно.

Тенденции, в общем, тревожные. Нет больше той литературоцентричности, которая была 40-50 лет назад. Можно пройти по улицам Москвы и опросить прохожих, знают ли они известного российского писателя – лауреата многочисленных литературных премий? Нет. Есть некая тенденция к возвращению литературы – то полное равнодушие десятилетней давности, а я по студентам проверяю это все время – преодолевается. Слышат только тех, кто был из девяностых: Акунин, Пелевин, Сорокин, Улицкая. То, что вышло оттуда. Те, кто приходит сейчас – блестящие авторы, но они тонут в цифровом океане, потому что очень много информации.

Еще одна тема – человек и семья. Одна из самых обсуждаемых проблем сейчас – проблема демографии. Мы слишком много пережили войн и революций. Проблема сохранения семьи. Рекордсменка по рождаемости в мире – русская баба из Рязани. Она родила максимальное количество детей – больше 70 человек. Это потенциал русской нации, который был уничтожен в течение 20 века. У нас молодежь поголовно говорит: до 30 ни за что не женюсь.

Эти тенденции должны быть преодолены, потому что иначе мы элементарно выйдем. Рушится традиционная семья, несмотря на то, что в последние годы наметилась слабая тенденция к уменьшению разводов.

Еще одна проблема, касающаяся народов, связана с тенденцией к распаду. Если взять Россию и Европу, есть расхожее мнение по отношению к царской России, что Россия – это тюрьма народов. Я всегда повторяю: на протяжении 600 лет не был уничтожен ни один народ в России. Все они были сохранены. Был только один народ – убыхи, они сами сели в лодки и уплыли в Турцию, и там они вымерли. Остались бы на Кавказе – сейчас была бы Убыхская республика. Один философ сказал, что если Россия – тюрьма, то Европа – кладбище народов. Столько народов, сколько сейчас – примерно 25-30% от того числа народов, которое было 700 лет назад.

Сейчас возрождается советский дискурс - дружба народов. У меня студенты писали дипломы о том, какие советские выражения опять входят в обиход. Привожу хрестоматийный пример: в 20 веке в России был образ будущего. Послушайте советские лирические песни: «Надежда – мой компас земной...». Был образ будущего. В современном дискурсе будущего нет. Особенно преуспевает в этом реклама: живи здесь и сейчас.

Это проблема, которая обсуждается в научном сообществе: в современном мире нет стратегии, есть только тактика. Знает современный мир, что будет хотя бы через 5 лет? Никто ничего не планирует, все «рвут». Урвать, взять и убежать. Что дальше будет – завтра посмотрим. Пятилетки в прошлом. Методологии нет, есть только технологии. Технологий сколько хочешь. Когда был придуман компьютер? В сороковые годы. Ничего

принципиально нового в современных гаджетах нет, они просто технологически лучше, совершеннее. А что говорить о методологии жизни человека наперед? Самая эффективная методология – это религиозная методология, потому что человек знал, что ему делать, потому что там будет загробная жизнь. Я привожу пример русского космизма: чтобы прорваться вперед, нужно предложить какую-то абсолютно сумасшедшую методологию. Почему русские вышли в космос? В России в начале 20 века жил человек, о котором никто не слышал: Николай Федорович Федоров, у него была совершенно сумасшедшая теория. Он говорил примерно так: мы, живущие на земле сейчас, имеем нравственный долг перед нашими предками. Нравственный императив человечества – отблагодарить предков. Как это сделать? Мы должны их воскресить из мертвых. Это единственная нравственная задача человечества. Это сделал Христос. Это не проблема, говорил Федоров. Мы их соберем из частиц. Федоров умер в 1904 году. Наука к этому придет лет через 100. Генетику сейчас скажешь, он не будет криво улыбаться. В принципе это возможно, ответит он. Но куда их всех девать? Воскресших людей будет очень много, а земля маленькая. Надо выйти в космос и срочно освоить звезды. Понимаете логику? Сначала мы должны выйти в космос, освоить все звезды, а потом воскресить мертвых и расселить их по звездам. К нему приходили разные люди, его учеником был Лев Николаевич Толстой, говоривший, что он счастлив жить в одно время с Федоровым. Федоров просил Толстого написать об этом, выразить эти мысли, потому что он, Федоров, сам эти мысли выражать не может. Это мысли отцов, не его мысли. Но Лев Николаевич не понял, как это можно, и они разошлись. Вторым учеником был Достоевский. К сожалению, Достоевский умер раньше Федорова, хотя в «Братьях Карамазовых» много космических мыслей из дискурса Федорова. Потом пришел Соловьев. А потом 14-летний подросток из Калуги, и это был Циолковский – отец русской космонавтики. Он придумал ракеты, на которых люди сейчас летают в космос. Если бы не было Федорова, не было бы никакого Циолковского. Федоров повлиял на огромное количество русских писателей, например, Пастернак. Отец Пастернака, Леонид Пастернак, был единственным человеком, который спрятался за шкафом и нарисовал Федорова – он запрещал себя рисовать, так как рисунок и фотография – это ложное воскрешение. Федоров повлиял на таких писателей, как Андрей Платонов, который бредил Федоровым, это был поздний Маяковский, Брюсов, Пришвин... Когда есть сверхидея – тогда начинается прорыв. Если есть step by step – прорыва не будет. Если бы Ганди не читал Толстого о непротавлении злу насилем, то до сих пор существовала бы Британская империя. Индусы победили именно непротавлением, плюс индийская философия.

Мы все пользуемся социальными сетями, а их создатели – Джобс, Гейтс – почему именно они? Они были буддисты. Причем это был дзен-буддизм, вся его философия

совпадает с философией социальных сетей. Это очень сложно объяснить, но я вас уверяю, что это именно так. Моя статья на эту тему выложена в интернете: «Интернет-нирвана Стива Джобса». Русские люди с какими-то выдающимися способностями сейчас тоскуют. Им скучно. Они хотят какой-то большой задачи. Победить в войне, построить коммунизм – над этим можно сколь угодно издеваться, но это задача. Сделали невозможное, конечно, с огромным количеством побочных эффектов.

Интернет – это предсмертный сон человечества. Попытка собрать всю человеческую культуру воедино, значит, мы скоро помрем.

Задача сохранения большой России с огромным количеством ее народов – самая обсуждаемая задача, потому что угрозы есть, и внутренние, и внешние. И здесь опять, заметьте, если не будет единой Евразии, этого единого пространства, то погибнет человечество. Это говорят не славянофилы, а Збигнев Бжезински. Россия - ось мира. И мы должны ей целиком владеть. Если это рухнет, то рухнет все. Евразия, говоря языком греческих натурфилософов – это все 4 первоэлемента: огонь, вода, воздух, земля. Русский чернозем может прокормить всю планету. Питьевая вода. Через 10-20 лет война будет идти не за нефть и газ, а за питьевую воду.

В течение веков Россия, хочет она того или нет, является планетарным МЧС. Пришли фашисты. Кто взял на себя основную тяжесть – мы. То же в Сирии. Постоянно где горячая точка, где беда – мы идем и помогаем. В простом режиме русский человек начинает жиреть, но русская пассионарность пока существует, по теории Гумилева. Мы по его теории прошли акме – пик, это революции, войны, мы движемся в золотую осень этноса. Когда начинается цивилизация, чистые улицы, люди пользуются дезодорантом. Мы вышли из пике на золотую осень.

Владимир Станиславович Елистратов. О концептуальных основах русской культуры

Сейчас очень много умных слов, которые все произносят, и никто не понимает, что это такое. И французский философ Мишель Фуко написал эссе «Слова и вещи», в котором говорил о том, что у нас очень много слов, которые мешают нам видеть реальный мир. Кучу слов и терминов мы придумали. Я всегда привожу этот пример. Была конференция, на которой докладчик говорил о взаимозависимости элементов. Потом вышел другой человек и парировал: «Вы не имеете права произносить слово «взаимозависимость», потому что это нетерминологично, давайте использовать термин «интердепенденция». Это что-то почти ругательное и совершенно невозможное.

Перед Великой отечественной войной немцы стали изучать русский национальный характер. Они прочитали русскую классическую литературу. И получилось, что РКЛ – это кривое зеркало русской жизни. Поверили в то, что Обломов – это русский человек. Они спроецировали Обломова на всех русских людей. Никто же не говорит, что алкогольные кошмары Эдгара По есть выражение американской жизни. Они попались на этом.

Мы большие мастера создавать мифы о себе. В этом есть определенное кокетство, форма самозащиты – всех обмануть. Такой мерцающий персонаж: вы думаете, я такой, а на самом деле нет. Мы сами про себя врем. Великий Пушкин подметил такую прекрасную черту русского характера – мы любим ругать себя. Но когда иностранец начинает ругать русского, то русский очень сердится.

Есть масса формул вранья про русского человека. Одна из самых знаменитых формул про 2 беды – дураков и дороги. А дальше следует адресация – Гоголь сказал об этом. Есть миллионы ссылок в интернете со ссылкой на Гоголя. Гоголь ничего подобного не говорил. Но в течение столетия люди это повторяли. Потом приписывали это Николаю Первому. Но и он так не говорил. Пушкин сказал: мы ленивы и нелюбопытны. Но он сказал это в конкретном контексте: что мы интересуемся чужой историей, чужой культурой, а вот своей мы не интересуемся. Но это не касается других черт русского человека. Количество ленивых и нелюбопытных у каждого народа примерно одинаково. Каково следствие этого вранья: все оценки культуры разделяются на четкий плюс и четкий минус. Вот, например: русские – пьяницы. Но известно, что поляки пьют больше.

Есть прямое вранье, причем оно настолько запечатлено в нашей истории. В русских СМИ обсуждается личность Ивана Грозного. В Третьяковке висит картина «Иван Грозный убивает своего сына». Но никакого убийства на самом деле не было. Была эксгумация, сын умер сам. Нет, великий Репин нарисовал картину, все школьники ходят в Третьяковку, весь мир уверен.

С другой стороны, начинаются всякие гиперплюсы: Россия – щедрая душа. Вы видели когда-нибудь русского крестьянина? Он, конечно, щедрый, но не очень. Как мы считаем – сгиба пальцы. Русские неспособны к бизнесу. Древняя Русь – это, прежде всего, река. Древние славяне воевали и торговали вдоль речных путей. Путь из варяг в греки. Перестройка наступила – челноки из Москвы с сумками поехали в Константинополь. Та же русская мафия.

Нужен некий срединный путь. Концептуальная основа русской культуры – здравый смысл. Русская смекалка – русские очень любят выдумывать что-то неожиданное, приспособливаться. Это и есть здравый смысл. Постоянно, на протяжении нашей истории здравый смысл этот пытаются убить. Русская интеллигенция в том числе пытается это сделать. Критиканство. Они создавали мифы. А есть мещане. Кто такие

мещане? Средний класс. По-русски слово «мещанство» - абсолютное ругательство. А ведь мещанин – основное городское население. Вы не найдете в русской литературе ни одного положительного образа мещанина. Дворянин – да, крестьянин – пожалуйста. Чтобы понять Россию, я очень рекомендую иностранцам прочитать таких авторов, как Лесков, Шукшин, это те авторы, которые абсолютно непопулярны на западе. Тургенев – пожалуйста, сейчас год Тургенева. Его на западе понимают вполне, Толстой и Достоевский – тоже. А Лесков и Шукшин – литература для внутреннего пользования. Леди Макбет Мценского уезда. А остальное знать не хотят. Лесков знал все сословия, всю Россию. Толстой не знал простого городского населения. Возьмите из 20 века Шукшина. Я был недавно на конференции по Шукшину, и из иностранных участников был всего 1 английский исследователь.

Почему так не любили мещан? Потому что этот человек не поддается никакой идеологической обработке. Это непошибаемая публика, настоящие русские люди.

Никакие условия не сдвинут их, не согнут. Кающийся интеллигент – это очень мило, но сердцевина, здравый смысл – в среднем классе.

Я понимаю, что Борхес и Кортасар – великие писатели. Но я не думаю, что мы узнаем аргентинский характер по их произведениям. И то же самое касается перуанской, колумбийской литературы. Я учился на семинаре по латиноамериканской литературе. И есть такие писатели, которых не знает никто в мире. Но характер национальный нужно изучать как раз по ним. Это наша беда, мы не знакомим наших иностранных коллег с теми внутренними писателями, поэтами, которые как раз и являются носителями сердцевины, здравого смысла. Интернациональные вещи передаются очень хорошо, но все-таки эти писатели при всем своем величии немного пишут с оглядкой – для Европы тоже. То же самое делал Тургенев.

И тут вообще серьезная проблема, сейчас очень популярен термин «Диалог культур». Первая конференция состоялась на факультете иностранных языков в МГУ в начале девяностых годов XX века. И покойный профессор Рождественский выступил сразу же с докладом под названием «О бессмысленности термина «Диалог культур». Диалог подразумевает обмен мнениями. Это так происходит? В современном мире культуры разговаривают примерно так же, как участники ток-шоу. Все говорят одновременно. Никто никого не слушает. Чем сильнее крик, тем лучше ток-шоу. В современном мире со всеми его технологиями коммуникации никто никого не слушает. Писателей больше, чем людей. У нас все пишут и ничего не читают. И надеяться на то, что люди когда-нибудь друг друга прочитают, не приходится. Мир устроен так, что конструктивного и спокойного разговора между людьми и культурами я не вижу. Это

очень печально, но это так. И никто не хочет знать правды, какие по-настоящему русские, а какие французы. Все руководствуются стереотипами.

В России большой кризис образования, потому что все хотят иметь высшее образование. В результате высшее образование давно стало средним, а среднее – начальным. Уровень современного образования таков, что при ответе на вопрос «Кто написал божественную комедию» вам школьник ответит: Дантес.

Относительно концептуальных основ культуры: мы не готовы методологически решить этот вопрос.